

ARCHIVUM II

Lionardo Chodzko (1831): *Della lingua lituana, e particolarmente del dialetto samogizio.* 117-130
 P.U.D., Nemčevskis sul Samogizio in traduzione italiana. 118

LETTERATURA

V. Kubilius, *Litauische Literatur auf dem Wege zur Freiheit.* 131-145
 A. Lázaro Tinaut, *La presenza delle letteraturae del Baltico orientale in Spagna.* 147-154

DISCUSSIONI & INTERVENTI

M. Napoli, *In margine a una recente Morfologia storica del verbo baltico.* 155-174
 S. Lanza, *A proposito di una monografia sul sistema accentuale del lituano standard.* 175-183
 W.R. Schmalstieg, *Remarks on a new book on Old Prussian.* 185-198
 V.V. Ivanov & P.U. Dini, *Languages, Writings, Linguistic ideas, Religions, Cultures in the Grand Duchy of Lithuania and neighbouring areas in XIV-XVII c. A.D. (Sociolinguistic Situation / Polyglossia);* 199-203
 P.U. Dini, *Die sprachliche Lage in den baltischen Städten: Riga, Vilnius und Königsberg.* 205-209

BIBLIOGRAFIA

Bibliografia spagnola sul Baltico orientale. Materiali preliminari (a cura di A. Lázaro Tinaut, & P.U.D.) 211-222

RECENSIONI & SEGNALAZIONI

"Studia Russica 18" (1999) [J. Verkholantsev]. *Lietuvių kalbos žinynas* (2000) [S. Lanza], K. Liukkonen, *Baltisches im Finnischen* (1999) [R.-P. Ritter]. S. Lanza, D. Sirvydaitė, *Parlo lituano* (2000) [P. Jurkevičius]. *Florilegium linguisticum. Festschrift für W.P. Schmid* (1999) [J. Pühn] 223-236

PUBBLICAZIONI RICEVUTE

ERRATA IN RES BALTICAE 5, 6 237-239
RIASSUNTI IN ITALIANO 240
 241-245

Res Balticae 7, 2001, pp. 7-22.

**К ВОПРОСУ О "НОВГОРОДСКО-ЛИТОВСКОМ" ПРОСТРАНСТВЕ
 И ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
 (ПО МАТЕРИАЛАМ XIII-XV ВЕКОВ)**

ВЛАДИМИР Н. ТОПОРОВ

Москва

В минувшем веке усилиями целого ряда исследователей на пространствах Восточной Европы (но отчасти и Центральной - к западу от Вислы и к югу от известных прусских областей) была открыта некая *terra incognita* и определена как некогда балтийская территория, объемом своим существенно превышающая площадь исторически известной Балтии и тем более Балтии в ее современном состоянии. Результаты этих лингвистических исследований велики и в своем подавляющем большинстве вполне достоверны. Тем не менее многое предстоит сделать и в веке нынешнем. Помимо продолжения выявления гидронимических (а отчасти и топонимических) балтизмов Восточной Европы и установления по возможности полного и достоверного списка их, желательно в унифицированной форме, предстоит этимологизация их и, следовательно реконструкция соответствующих апеллятивных лексем и их словообразовательного и фонетического типа, попытка диалектной классификации балтизмов "внешней" Балтии (*Baltia exterior*), наконец, определение исторической ситуации в том объеме, который определяется лингвистической картиной реконструируемого балтийского *Morgenland*'а. Последняя задача представляется особенно важной, тем более что в решении ее сделано пока меньше всего.

Объяснение этой ситуации следует искать в ложном представлении о ничем не заполняемой лакуне между тем несомненно существовавшим якобы только "доисторическом" контакте славян с балтами на "балтийском" ареале и "исторической" ситуацией, фиксируемой для этого ареала с

рубежа I-го и II-го тысячелетия нашей эры¹. Этот разрыв во времени и в самом характере балтославянской встречи — явный или только в силу некоей инерции и недостатка воображения и воли к развязыванию столь туго завязанного узла, — конечно не что иное как мнимость. Понятно, что многое — или в лучшем случае — кое-что потеряно навсегда, но сама непрерывность полуторатысячелетней истории балтославянской встречи не подлежит сомнению и немало деталей ее восстановимы. В известном и достаточно широком смысле эта встреча продолжается и сейчас, и ее результаты еще живы и нуждаются в интерпретации, которую удобнее всего начать с двух разных концов — с древней (или, точнее, древнейшей из достижимых) ситуации, где карты в руки отдаются археологии, и относительно поздней, уже несомненно исторической (раннеисторической), где они оказываются в руках историков. Разумеется, что ключи для определения-идентификации этноязыковой ситуации на этом пространстве и в древности и отчасти в настоящем, насколько оно сохраняет прошлое, находятся в руках лингвистов, которые только и могут вполне компетентно судить об этой этноязыковой ситуации по гидронимии (иногда и топонимии), по заимствованиям "чужих" лексем в языке теперешнего населения на этой территории, наконец, и по некоторым другим признакам "чужести".

В этой заметке несколько акцентов. Один из них — на "исторических" данных, на источниках, относящихся в основном к XIII-XV векам, т. е. ко времени, в общем равноудаленном, с одной стороны, от периода, когда языковые, культурные и иные контакты славянского и балтийского элемента на этой территории были, несомненно, реальностью,

¹ Если говорить о последних по времени трудах синтетического характера, стоит назвать следующие: *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.*, Москва 1993; В.В. Седов, *Восточные славяне в VI-XIII вв.*, Москва 1982; он же, *Древнерусская народность: историко-археологическое исследование*, Москва 1976; И.П. Русанова, *Славянские древности VI-VII вв.*, Москва 1976; *Финно-угры и балты в эпоху Средневековья*, Москва 1987 и др., в частности, литературу последних десятилетий, приведенную в названных трудах.

присутствующей во многих локусах этого пространства достаточно густо и полно, а с другой, от настоящего времени. Второй акцент — на территории, протянувшейся полосой шириной в 200-250 км в широтном направлении приблизительно на 500 км и несколько более от Псковщины до Ржевщины и даже несколько восточнее до тверско-московского и смоленско-московского пограничий. Третий акцент приходится на балтизмы (прежде всего гидронимические), находящиеся в этой зоне². Следует напомнить, что примыкающая к этой зоне с юга полоса от Москвы и западного Подмосковья до Витебска и Полоцка существенно богаче гидронимическими балтизмами, нежели лежащий севернее и далее здесь преимущественно рассматриваемый пояс.

Непосредственным или, может быть, вернее, последним поводом к обращению к гидронимии балтийского происхождения в этом псковско-новгородско-ржевско-верхневолжском поясе оказался выход в свет книги В.Л. Янина, *Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков*, Москва 1986, состоящей из основной части (5-102) и *Историко-географического обзора Новгородско-литовской границы (103-214)*, написанного Л.А. Бассальго и В.Л. Яниным. В собственно исследовательской части книги — весьма строгий и убедительный анализ проблемы, намеченной в авто-аннотации — "В XV веке сложилась странная ситуация на границе Великого Новгорода и Литвы: пограничные земли Новгорода, оставаясь в его власти, платят государственную пошлину Литве. Как сложился такой порядок? Ведь именно он стал основой мирного сотрудничества двух средневековых государств. В книге выясняется, что он восходит к отношениям Новгорода и Смоленска XII-XIV веков...".

² О балтийских гидронимах этой полосы писали М. Фасмер, А. Ванагас, М. Букш, Р.А. Агеева, Е.М. Катанова, автор этих строк. Ср. синоптический список гидронимических балтизмов в западно-двинском, приильменском (южно-ильменском), псковском, северно-новгородском (прибалтийском), верхневолжском субареалах: В.Н. Топоров, *О балтийском слое русской истории*, в: *Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флора*, Москва 2000, 368-372 (около 220-250 таких гидронимов при практически первой рекогносцировке).

В книге славяно-балтийских отношений — от встреч, соседства, симбиоза, сосуществования (как минимум) до розмирий, конфликтов, вражды, войн — всегда существенно определение тех факторов и обстоятельств, которые свидетельствуют о характере этих отношений и их мотиваций. Книга В.Л. Янина как раз тем и хороша, что, рассматривая, казалось бы, "далеко друг от друга отстоящие сюжеты", которые являются слагаемыми единой концепции, направленной к объяснению сложной системы взаимодействия двух крупнейших государств Восточной Европы XIV-XV вв. Новгорода и Литвы в зоне их порубежного соприкосновения"³. Разумеется, балто-славянские отношения в избранном в качестве рамки хронотопе не исчерпываются только "межгосударственными" связями и только Новгородом и Литвой. Но выбор именно этих двух последних государственных образований дает возможность с достаточной конкретностью понять механизм связей, включая и зоны общей выгоды и зоны расхождения, более того противостояния, которое, однако, контролируется чем-то более важным — выгодой и той и другой сторон, смягчающей противоположность интересов, не позволяющей пренебрегать разумными и взаимоустранивающими компромиссами.

Рассматриваемая в книге история уходит своими корнями в начало второй четверти XII века, когда сын Владимира Мономаха Мстислав, "вскормленный новгородцами для себя, но отозванный отцом в 1117 году на юг, вознамерился превратить Новгород, где он оставил княжить своего сына Всеволода, в наследственное княжество для своих потомков. Но по законодательным установлениям Новгорода, как известно, князь не мог владеть землями на его территории. Чтобы компенсировать эту "безземельность" сына Мстислав передает ему массив земель из состава смежного Смоленского княжества, создавая ему тем самым домен, в котором он был "полновластным распорядителем"⁴. Но соблюдение этой полновластности обусловлено конкретной ситуацией, в частности,

³ См. В.Л. Янин, *Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV вв.*, Москва 1998, 102.

⁴ Там же, 102.

связанной с местонахождением этого домена. А он находился в приграничной зоне, на юге будущей Деревской пятины Новгорода. "Юридические права на доходы с этих волостей, как это очевидно, имеют лишь потомки Мстислава Владимировича. Когда они княжат в Новгороде, эти доходы (черная куна) используются для содержания новгородского княжеского двора. Когда же на новгородском княжеском столе оказываются представители других княжеских линий, получателем черной куны становится Смоленск, а после выделения Торопецко-Ржевского удела — князя этого удела [...] Узурпация доменных доходов сидевшим на новгородском столе сыном Юрия Долгорукого порождает, в частности, претензии Смоленска к Юрию, исчерпанные после многолетнего конфликта"⁵. В отрезок времени с середины XIII века северные районы Смоленского княжества (Торопец и Ржева Володимерова) переходят под власть Литвы, но в 1326 году, после удачных действий Новгорода, был заключен общий мир между Новгородом, Орденом, Смоленском, Полоцком и Великим Княжеством Литовским. Главным и долговременным достижением этого договора "стало создание принципиальной системы пограничных взаимоотношений Литвы и Новгорода: Литва приняла на себя обязательство строго соблюдать суверенитет Новгорода на всей территории его владений в обмен на уплату ей черной куны с пограничных новгородских волостей. На линии бывшей новгородско-смоленской границы она, овладев Торопцем и Ржевом, унаследовала этот порядок от предшествующих времен, а на линии новгородско-полоцкой границы распространила тот же принцип на новгородские порубежные земли Великих Лук и Ржевы"⁶. Последствия этого "общего" мира были благими. Прежде всего нужно отметить сложение системы военного и политического сотрудничества и ее расширение созданием кормлений, предоставляемых литовским служилым князьям в новгородских пригородах, что способствовало организации сопротивления и отпора немецкому и шведскому давлению на северо-западных границах новгородской земли.

⁵ Там же, 102.

⁶ Там же, 102.

В.Л. Янин подчеркивает, что литовская служба Новгороду посредством поддержания параллельной русской кормленческой службы была поставлена под жесткий контроль вечевых властей⁷. Продолжение этой ситуации в книге не рассматривается, но автор помнит о нем — "Система новгородско-литовского сотрудничества переживала периоды конфликтных отношений, но в основном исправно работала, порождая сильнейшее противодействие со стороны Москвы, которая в конечном счете использовала пролитовские настроения Новгорода для ликвидации его независимости" (Указ. соч., 102).

Но помимо важного значения книги В.Л. Янина как исследования недостаточно изученной исторической ситуации на новгородско-литовском пограничье в XIII-XV веках и достаточно весомого по своим результатам, эта книга ценна и для лингвистов, особенно специалистов в области исторической гидронимии и топонимии, и для краеведов, и для географов, занимающихся исторической географией рассматриваемого ареала. Для всех их особую ценность представляет историко-географический обзор новгородско-литовского пограничья, насчитывающий сотни наименований географических объектов — городов, селений, деревень, погостов и водных объектов, в основном рек, речек, озер, к которым приурочены собственно топонимические объекты. Эти списки насчитывают сотни названий, распределенных по землям, погостам, пригородам. К сожалению, составители этого обзора не потрудились приложить к книге индексы топонимических и гидронимических объектов и сочли возможным карты заменить схемами с большей или меньшей степенью условности. И то и другое, конечно, существенно затрудняет исследования в области исторической географии и лингвистические разыскания в области топо- и гидронимии этого ареала в Средневековье. Тем не менее, сам перечень ("поземельный") этих объектов весьма ценен и открывает дополнительные возможности для будущих исследований.

7

Там же, 102.

Особое значение корпуса указанных местных наименований станет очевидным при учете двух обстоятельств. Во-первых, материал, с которым приходится работать лингвисту, решающему задачу выявления и идентификации "чужого" элемента на фоне "своего", относится чаще всего к современному состоянию и зафиксирован в наибольшей полноте в XIX-XX веках; многое, но существенно меньшее засвидетельствовано в источниках XVIII века (причем степень достоверности примеров не всегда достаточна, варианты названий чаще всего не приводятся). По мере продвижения в направлении, обратном ходу времени, источниковедческая база сужается в целом в одних случаях, а в других сам круг источников остается недостаточно выявленным. В этом контексте собрания топонимических обозначений, относящихся к столь отдаленной эпохе, как XIII-XV в., представляет собой большую ценность даже несмотря на то, что эти названия даются в упоминаемой книге не в их историческом виде, а в современном написании, когда, например, за буквой *e* может скрываться как *e*, так и *ĕ*, неразличение которых отсекает для лингвиста выявление подлинной формы названия, установление этимологии, возможных связей с субстратным элементом. Но все-таки нужно сказать спасибо и на этом. Во-вторых, при оценке этих ранних свидетельств нужно помнить, что даже для больших рек рассматриваемого здесь ареала (включая и Волгу) нет достаточно полных и надежных инвентарных списков в отличие, например, от Днепра или Дона.

Ниже предлагается частичный и очень краткий обзор балтизмов в указанной пограничной новгородско-литовской полосе. Одни из этих балтизмов были известны и раньше; другие были известны, но локализовались в других местах; третьи вообще не были учтены как балтизмы. Учитывая предыдущие разыскания, приходится ограничиться минимумом информации. Направление приводимых ниже балтизмов соответствует в общем порядку перечисления земель, волостей, погостов — с запада к востоку. Сокращения в названиях источников общепринятые (см. также "Res Balticae", 1995, 37-40). При оценке представляемых ниже балтизмов, в основном — гидронимических — существенно иметь в виду пространство и

границы восточноевропейской ("русской") Балтии⁸ и, наконец, возможность для определенного места, времени и этноса

⁸ Общий объем "восточноевропейской" Балтии, каким он виделся на рубеже 50-60-х гг. XX века, и соответственно ее границы были представлены в книге: В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*, Москва 1962 (ср. соответствующие места текста и относящиеся к ним карты). При этом, однако, следует помнить, что авторы книги сознательно ограничили себя пространством Верхнего Поднепровья, отдавая себе отчет и в наличии древних гидронимических балтизмов также за пределами этого ареала. В дальнейшем пишущий эти строки неоднократно и в разных субареалах "восточноевропейского" пространства расширял сферу балтийского наследия. Из последних работ с синтетической установкой ср.: *О балтийском слое русской истории...* 349-411; он же, *Балтийский элемент в новгородско-псковском ареале (общий взгляд)*, в: *Великий Новгород в истории Средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*, Москва 1999, с. 276-292. Карты "восточноевропейского пространства Балтии см. и в трудах балтистов (лингвистов, археологов, историков): М. Gimbutienė, *Baltai priešistoriniais laikais. Etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija*, Vilnius 1985, 18 (новый вариант по сравнению с *The Balts*, 1963); J. Kabelka, *Baltų filologijos įvadas*, Vilnius 1985, 18; Z. Zinkevičius, *Lietuvių kalbos kilmė, I*, Vilnius 1984, 149. Все эти варианты в целом совпадают. Существенно, однако, что З. Зинкявичюс помимо ядра гидронимических балтизмов в Восточной Европе и Польше обозначает и периферийную зону, в которой балтийских гидронимов немного и часть их не вполне достоверна. В настоящее время этот балтийский гидронимический ареал может быть несколько расширен сразу в нескольких местах — в северо-восточной Польше и Чехии, в Поочье (ниже Калуги и Тулы и даже в низовьях Оки), в рязанской земле, включая низовья Дона, в Южном Приильменье или — более широко, в полосе между Тверью и Бологим на востоке и бассейном реки Великой на западе. Разумеется, в этих периферийных зонах (в частности, и в новгородско-литовском пограничье) и степень достоверности балтизмов ниже, и самих их меньше, и сам характер их несколько отличен от других частей "восточноевропейской" Балтии. И тем не менее игнорирование этого "новгородско-литовского" балтийского ареала было бы несомненным

трактовки некоторых финноязычных названий как балтийских независимо от истинной их этноязыковой принадлежности; то же тем более относится к ряду славянских названий, допускающих их балтийскую трактовку и наоборот: во всяком случае соответствующие претензии двух разных сторон отнюдь не всегда взаимоисключаемы.

Велья, Велье [107, 111, 126, 127, 132; здесь и далее в квадратных скобках приводятся страницы книги Янина, где, в частности, нередко указывается и вид объекта] озеро, погост, город. — Из балт. **Vel-* или **Vil-*, ср. прусск. *Velowe, Welune*; лит. *Velupys, Veliuonà, Velys*; лтш. *Velna*; курш. *Velimen, Velienen*; днепр. *Велейка, Веленка, Вельна*; окск. *Велье, Велья, Веля, Вельница*; висл. *Wel, Welle, Welnica*; блр. *Велье* и т. п. или лит. *Vilija, Vileikupis, Vilnia*; лтш. *Vileika, Vilaune*; лтг. *Vilēni, Vilņi*; прусск. *Wilaw*; окск. *Вилинка* и др. — См. "Res Balticae", 1995, 18-19.

Гдов [107] — возможно, из балт. **Gud-av(-iv-)*, см. Фасмер I, 400. — Ср. прусск. *Gudeniten, Gudicus, Gudynyken* (к *gudde* 'куст' или к *gud-* как обозначению готов или населения, сменившего их здесь); лит. *Gūdas, Gudinis, Gūdežeris* и т. п.; лтш. *Gudu-puros*; лтг. *Gudeļi, Gudišķi*; ср. польск. *Gdow* (Львовская обл.) и т. п.

Ржева [107] — ср. лит. *Rūdė, Rudėlė, Rudijà, Red-ūpė* и т. п.; лтш. *Rudes, Rudite, Rudiku gr., Rūduls, Rudupe*; лтг. *Rudeļi, Rudzati, Ruduši*; прусск. *Rudin, Ruditen, Rudowe, Rudicus, Rudenik* и др. — Из балт. **Rud-ī*.

Уза [124] — ср. лит. *Užs upėlis, Užrė, Užupis* (как место за рекой), *Užys*; лтш. *Užava, Užupe*; лтг. *Užiņu ez., Ужуня*; окск. *Ужать, Ужев, Ужевка, Ужовка, Узовка* и т. п.

Льжа [107, 132] — ср. лит. *Ližė, Liž-a-bales*; лтш. *Lizite, Lizetes-plaviņa*; прусск. *Lysiein*; окск. *Лизовка* и др.

упущением, хотя и возможностей ошибиться в этом субареале, несомненно, больше.

Череха [107] — ср. прусск. *Kersiten, Kirsey, Kirsieytin* или *Kirsappen*; лит. *Kéršis* или *Kirsnà*; лтг. *Ķirši*; днепр. Череса, Череска; окск. Черешка и т. п.

Воронач [108] — ср. лит. *Várnakis upālis*; лтг. *Võrneicāni*.

Черьма [116] — прусск. *Kirmys, Kirmithen*; лит. *Kirmijà, Kirmėlynė*; окск. Черменская, Черменской и др.; ср.: и берегъ Черемескъ взяша [116], 1323.

Мда [116] — лит. *Maudūtis, Maudiklis*; лтш. *Mauda, Madaža, Mude, Mudenieks*; лтг. *Mudavas purvs, Муданики, Муденики*; прусск. *Mawde* и др. — Из **Mud-*.

Ельма [116] — ср. прусск. *Elmone, Птуне, Пте, Птена*, м. б. *Almoyn*; лит. *Ełmė, Ełmis, Ałmė*; лтш. *Ēlmji* и др.

Руя [116] — ср. лит. *Rujà*; лтш. *Rūja, Rūi-upe, Rūjas*; м. б. прусск. *Rouge, Rouenn, Rogin* и др.

Кунесть, Кунейская [116] — ср. лтш. *Kunaste, Kunas-aste, Куна* и др.; лит. *Kunà, Kunė, Kūn-upis*; прусск. *Kunyan, Kunaun*; окск. Кунава, Кунавка и др.

Полна [116] — ср. лит. *Palnė* (: *palnė* 'болото'); прусск. *Polgenewaie* 'болото' (*waγos* 'луг'), лтг. *Pəlņupe, Palņupe, Палнупе*; днепр. Полна, Полня, Пальня, Паленка; окск. Полная, Полновка; Пальна, Пальная, Пальница.

Желчь [116, 117] — ср. лтш. *Zelta, Zēlta, Zēlta pļava, Zelta bedre*; лит. *Želt-upė, Želtupys* и др., см. Жолоча.

Ремда [117] — ср. лит. *Rimdžiai*, дер., *Rimdžiūnai*, дер.

Липенка [117] — ср. лит. *Liepinis, Liepinys*; лтш. *Liērene, Liēripes, Liēreņi, Liērenīte, Liēriņa* и др.; лтг. *Lipeņi, Липин, Лепин(ь)* и др.; прусск. *Lepinen* и др.

Меленка [117] — прусск. *Melnikin*; лтг. *Mėlnīts*, болото; днепр. Меленка, Миленка, Мелань, Мельня.

Гривка [117], **Грива** [171] — ср. прусск. *Greywa*; лит. *Grīva*; лтш. *Grīva, Grīvi*; днепр. Гривка; окск. Грива, Гривца и др.

Лодва [117, 124] — ср. прусск. *Lodeune, Lodeun, Ladegarbe*; лит. *Lodžio ežeras*; лтш. *Lada, Ladupe, Ladde* (1858), *Ladiņa-purvs, Ladova, Lodumas-ežers*; лтг. *Lad-bise, Ladova, Ладзина*; окск. Лада, Ладенка, Ладьрь и др.

Озолич [117] — ср. лит. *Ažuolynas, Ažuolinis, Ažuoluona, Ažuol-upis, Aži-upys, Ažuol-upys* и т. д.; лтш. *Ozolupe, Ozolupite* и др.

Жолоча [117] — ср. лит. *Žalč-iupys, Žalč-iupėlis, Žaltys, Žaltinys* или лит. *Želtupė*; лтш. *Zelta bedre, Zēlta, Zēlta pļava*; лтг. *Zeltarpurvs, Zeltarags* и др., см. Желчь.

Мелетинка [119], **Мелетовская** [120] — ср. прусск. *Melenten*; лит. *Melėtinė, Meletinėlė, Meletinis ež.*; лтш. *Mellite, Melite*; днепр. Милеча, Мелечь, Мелечинка; окск. Милитинка, Милитинской, Мелечева и т. п.

Меде [121] — ср. прусск. *Medelauke, Medlawken, Medeniken, Medenouwe, Medinen, Mediolaucks*; лит. *Medāinis, Medėlis, Medėrova, Medikis ež., Medujà, Mėd-upis, Med-upys*; лтш. *Medaine, Medupis, Mėd-upite, Mėdus-straits, Mėds-purvs*; лтг. *Medupe, Medupite*; днепр. Медесна; окск. Меденка, Медестка (?), Медица (?), Медна (?), Мединской и др.

Деманитцкая засада [122] — ср. лит. *Deimantas, Deimantālis, Deimanciukas, Deimė, Deimenà*; лтш. *Deimant, Deimats, Deimāts*; лтш. Деймани, Дейманы и др.

Уза [124] — ср. лит. *Užys, Užinas, Užla* и др.; лтш. *Ūzs* или *Užava, Ужава*; лтг. *Užuli, Užūni ez.* и др.; прусск. *Wuse, Wosen; Wozie, Wozo, Wosyen* или *Wusiwaio* и др.; днепр. Ужепа; окск. Ужать, Ужев, Ужетка и др.

Гостена [124] — ср. лит. *Gāstas, Gāstamas, Gaštamas, Gāstaminas, Gāst-upis*, ср.: *Gaštynai*, дер., *Gaštynūkaī*, дер.; лтш. *Gastiņ-kalns, Gastēļēni, Gastis*; днепр. Гостена, Гостенка, Гостинка, Гостиновка; Гостижа, Гостиш(к)а; окск. Гастинка, Гастомка, Гастомля, Гастышка; Гостижа, Гостиженка, Гостижка, Гостомля, Гость и др.

Вревка, Врев [127 и др.] — ср. лит. *Virvytė, Vitvyčią, Virva* (может быть, из **Virvė*); *Virvagaliai*, дер.; лтш. *Virvelas, Virojali, Вревели, Verveliškas* и др. — Из **Viro-*.

Петь [127] — ср. прусск. *Pyttenen*; лит. *Petešà, Petešiškė* (?); лтш. *Petupite, Петерупе*, днепр. Питаль, Питиль (?); окск. Пет, Петелинка, Петенейка, Петинской и т. п. (?).

Сница [128] — ср. лит. *Snitijà, Snitėja; Snūtyš, Sniūtė* (?); прусск. *Snitteunen*.

Щерлятка [129] — ср. лит. *Skirlėnai, Skirlaukiai*; прусск. *Schirlauken, Skirin, Skyrow*; окск. Скирляйка (?).

Сороть [129] — ср. лит. *Sartaĩ, Sařtė, Sartà, Sařtis, Sartėlis, Sartėlė, Sařt-upis, Seřt-upis, Sart-upỹs* и др.; лтш. *Sàrt-upe, Sàrte*; окск. *Сороча, Сороченка, Сорочка* и др.

Милье [129] — ср. лит. *Mylė, Milỹs, Miliõtė, Mil-ia-kalnis* и др.; лтш. *Mila, Mīlenis, Milas, Milas-upe* (?); прусск. *Milegedyn, Milgedyn*; днепр. *Миленка, Милеча, Мил(ь)ча*; окск. *Миленка, Милиновка, Милеевка* и др.

Корузе [130] — ср. лит. *Karūža* (?), *Karužaĩ, Karūžiškė, Karūžiškės, Karūžiškiai*; лтш. *Karūž-birzs* (: эст. *Karuse*), *Karuzis* (?).

Ис(с)а [132, 133] — ср. лтш. *Isa, Iesala* (?), *Iėsals, Īsala-zeme, Iėsal-dikis*; лит. *Īsala, Īs-upỹs, Īsėlė*; прусск. *Ising* (?); днепр. *Исса*; окск. *Исса, Иссы, Иса* и др.

Кудо, Кудка, Кудеп [132, 132, 133] — ср. прусск. *Kudyn, Cudynn, Cudinlawke, Kudieph, Kudippen* и др.; лит. *Kudaičiai, Kudinaĩ, Kudonis, Kudoniaĩ, Kudėnė, Кудинишкя*; лтш. *Kudeiki, Kudeņikalns, Kudinava, Kudumi; Kūdupe* (Кудупе) *Kudeba*; лтг. *Kūdups, Kūdupe, Кудеп, речка Кудеп, Кудепи. Kudepie, Kuder, Kudeps, Kudinava, Kudenova, Кудиново*; подмоск. *Кудь*; окск. *Кудаль, Кудинов, Кудиновка*; мазурск. *Kudyński Borek*; к западу от Вислы — *Kudynu, Kudynsui Bor* и др. — Из **Kud-*; **Kud-up-*.

Коложа [132] — ср. прусск. *Kalden, Kaldeyn, Calden, Caldina*; лтш. *Kaldabriņa, Kaldacis, Kaldavas, Kaldenica, Kalduři* (?); окск. *Колденка, Колдобня* (?), *Колодня, Колодин*. — Из **Kald-j*.

Чертеница [133] — ср. прусск. *Kertene*, лес, *Kerthin, Kirthany, Kerthen, Kerthene* и др.; лит. *Kertus, Kertenỹs, Keřtenis; Kerteniaĩ*; лтш. *Certeles, Certene*; днепр. *Чертеж*; окск. *Чертен(ь)ка* и др. — Из **Kert-en-*.

Плюс(с)а [116, 134] — ср. прусск. *Pluselawken, Pluszekaunt, Pluske*; лит. *Plaušėlis, Plaušinė, Plaušinis, Plauš-a-balė, Plaušynė*; лтш. *Plaušupe, Plauš-up-, Plauš-vals*; лтг. *Plaušiniķi, Plyuskas, Pļusin*; ср. мазур. *Pluszne, pluske, Pluskie Jezioro, Pluskjanķja, Pluskwianka*; окск. *Плюсна, Плюсеевна*; днепр. *Плюсква* (в басс. Сейма). — Из балт. **Pleu-* / *Plau-s(-š)*, *-sk-* и др., см. "Res Balticae", 1995, 30 и др.

Але, Оля, Олица, Олянский, Ольская [143, 147, 152, 153, 172] — ср. лит. *Alỹs, Alejà, Alėja, Ālovė, Aluonà, Alantà, Al-ùpė, Aluošà, Aluošià, Ālaušas, Aluotis*; лтш. *Ala, Alejas-kalns, Alupe, Alupite*; лтг. *Алаута, Олутова, Alus-sala, Oluteņi, Aluti-plavas* и

др.; прусск. *Alowe*; днепр. *Ола, Оленка, Ольница* и др.; ср. лит. *alėti* 'течь', 'сочиться' и т. п.

Дегжа [145] — ср. лит. *Deguž-ravis*, река (может быть, от обозначения кукушки лит. *gegūtė, gegužė*; лтш. *džeguze*), м. б., лтш. *Deguš-purov*.

Вержа [145] — ср. лит. *Viržė, Viržiuva* или *Verža*; лтш. *Viržite*, река; днепр. *Вержа, Вержейка, Вержица*; окск. *Вержа, Вержня, Вержневка*, вар. *Верзневка*.

Оршо [146] озеро; — ср. балт. **Rus-* > *Рьš-* > *Орша* на славянской почве; ср. лит. *Rūsnė*; жем. *Rusota*; лтш. *Rusate, Rusinupite*, м. б., *Rušupe, Ruša* и др.; прусск. *Russa, Russe, Rusow, Russin, Russien, Russenig* и т. п.; днепр. *Орша, Оршица, Orszanka*; ст.-русск. *Рьша, Ршь, Орша*; окск. *Русенки, Русов*, м. б., *Орса* и др.

Чичорка [146], река; — ср. лит. *Čičirỹs, Čičiraitis; Kikiriškės*; лтш. *Čikiriški*; лтг. *Kikuri, Кикуре*; днепр. *Чечера, Чечора, Чичора*; подмоск. *Чечера*; окск. *Чечера* и др.

Басти, Басти Вышние [146] — ср. лит. *Bastūnai*; лтш. *Bastenes pl., Basta-rags*; лтг. *Bestenica*; днепр. *Бостя, Бестенка, Бестань*; окск. *Бестань, Бестинка, Бестенка*.

Чертеное (Чертенова) [146] — ср. прусск. *Kertene*, лес, *Kerthin*, место, *Kirthany, Kerthen, Kerthene, Kertheyn*; лит. *Кертени, Kerteniaĩ, Kertuoja, Kertauniņkai; Kertė, Kertūs*; лтш. *Certeles, Certene* и др. См. также *Чертеница* [133].

Судервьё [146], на р. Сороть; — ср. лит. *Sudervė*, неподалеку от Вильнюса.

Цевло [146, 151], озеро к западу от г. Холм. — Ср. *Цевла, Цевля, речки, Цевло, погост*; отмечена и форма *Цебло*. Буга RR III, 888 возводил к финск. *Kaivola* (: *kaivaa* 'рыть', 'копать'). Вместе с тем не исключено объяснение из балт., ср. лит. *Кевле*, оз. (Вильн.), *Kiaulenà, Kiaulinis, Kiauležeris, Kiauliupis, Kiauliupė, Kiauliukas* и др. Может быть, сюда же днепр. *Чавельни (Чавенка?)*. — К лит. *kiaulė* 'свинья', ср. обилие "свиных" речек в балтийском ареале — лтш. *Sūku-ezers, Sūcene, Sūka-dikis* и т. п. — Ср., однако, лит. *kāivinti* 'мучить', 'беспокоить', 'томить'.

Локня, Локново [153] — ср. лит. *Luknà, Luknālė, Lūknas, Luknėlis, Lūknė, Luknià, Lūknis, Luknėlė*; лтш. *Luknis, Lukna-ezers, Lukna-purov, Luknas-ezers, Luknu ezers, Luknāju-ezers*, лтг. *Luknais ez., Lukna, Лукно, Luknica, Лукница* и др.; прусск. *Лукь, Лькь,*

Luk, *Lockeneup*; ятв. *Luknas*; днепр. *Локна*, *Локнея*, *Ликница*, *Локня*, *Локнянка*; окск. *Локна*, *Локнава*, *Локнова*, *Локня*, *Локненской* и др.

Льста [153] — не ясно; можно думать об исходной форме типа **Il-ista*, вероятно, в значении 'илистая', 'мутная' и т.п. Суффикс *-ist-* (как и *-ast-*, *-est-*, *-ĕst-*, *-óst-*) нередок в балт. гидронимии, ср. лит. *Ab-istà* (лтш. *Ab-ava*, *Ab-aine*), *Sav-istas* (: *Sav-ėnė*, *Sav-yla*) и т.п. Корень слова мог быть связан с *il-*, балтослав. обозначением ила, мути и т.п., ср. лтш. *īls*, русск. *ил* и гидронимы типа лит. *Yl-ėlis*, *Yl-yčią*, *Yl-upis*, *Īl-brastis*, русск. *Илистая* и т.п.

Ужо [153, 172] — ср. лит. *Ūzinas*, озеро (z вм. ž, вероятно указывает на селонский диалектизм, ср. *Jūžintas*, озеро, *Jūžintas*), *Ūžys* и др. (: *ūžti* 'шуметь'); лтш. *Užupe*, *Užava*, *Ужава*; лтг. *Užinkolns*, *Užinkalns*, *Ужина гора*; *Užupi ez.*, *Ужуна* и др.

Комша [161, 164] — ср. лит. *Kamšà*, *Kamšėlė*, *Kamšūtė*, *Kamš-upis*, *Kamš-pelkė*, *Kamšų ėžeras*; *Kamšrà* (: лит. *kamšyti* 'набивать', 'затыкать', русск. *камшить* / *комшить* и т.п.); лтш. *Kamsa pl.*, *Kamši-ceļš*; лтг. *Камши*; окск. *Комша*.

Невле, **Невля** [161, 164] — ср. лит. *Nevėlis*, *Nevėliškės* (едва ли это финноязычный элемент), ср. *Невель*, лит. *Nev-ėža*, *Nev-ėžė*, *Nev-ėžis*; лтш. *Nėvali*, может быть, *Nāve*, *Nāvīte*, *Nāves-bedre*, *Nāves-tēse*, *Nāvene*, *Nāveklis* и др.; днепр. *Невда*, *Невежа*; *Навля*, *Навлицы*; окск. *Невежа*, *Невежи*, *Невежинской*; *Навлянка* и др.

Освея, **Освия** [162, 164, 166] — ср. лит. *Avsejā*, озеро; *Ašvijā*, *Ašvā*, *Ašvinė*; лтш. *Asva*; лтг. *Asva*, *Осва*, *Осво*, *Освина*, *Освово*, *Освова* (ср. *Конева*); прусск. *Asswene*, *Assuenuis*, *Asswin* и др.; днепр. *Освина*, *Освица*, *Осевка* (?); блр. *Освея*; ср. лит. *ašvā* 'кобыла' и т.п.

Утуга [162] — ср. лит. *Ūt-enas*, *Ūt-enà*, *Ūt-ėnis*, *Ūt-ernà*, *Ūt-eliai*, *Ūtel-balė*; лтг. *Ūtāni*, *Утаны*, *Утина* и др.; днепр. *Ути*, *Уть*, *Уча* (?) и др.; — ср. лит. *utis*, *utėlė*, лтш. *ute*, *uts* 'вошь'. — Ср. также *Утужица*, *Утог Великое*, *Утойцо Малое* [165].

Уша [162] — ср. лит. *Ušaītė*, *Ušnà*; *Ušaītai*, *Ušneñai*; лтш. *Uša*, *Ušupe*; *Ušurga*, *Ušuripe*; лтг. *Ушупе*, *Ūšupe*, *Ушупя*; зап.-двинск. *Уша*; днепр. *Уша* (название ряда рек); окск. *Ушанка*, *Ушанец* и др.

Дрис(с)а [162, 164] зап.-двинск. *Дрис(с)а*, блр. *Дрыса*; *Дрысвяты*, предполагающее **Dris-ū-*; не исключена и рекон-

струкция **Drū* < и.-евр. **der-ū-* 'драть' как 'раздирать' и как 'быстро бежать, течь' (ср. *он удрал*); в таком случае ср. лит. *Drujā*, *Drúoja*, *Drūvetas*; лтш. *Druve*, *Druva*, *Druvas-gzērs*; днепр. *Друть*, *Друц(ь)*, *Друец*, *Druc*, *Odrwac* и т.п.; ср. прусск. *Druteyn*, *Drutthen*; *Drawe* (: днепр. *Адров*).

Яссы, **Ясо** [162, 167] — ср. лит. *Asys*, озеро; *Ās-upis*, *As-upys*, *Asinis*, *Asōnas* (: *asyš*, вид хвоща); прусск. *Asiniten*, *Assakayn*, *Asseniken*, *Asseken*, *Assun*, *Aselawken* и др.

Нещердо [164] — озеро в Витебск. обл.; *Нещорда*; возможно, из балт. *Ne-* & *skerd-* (лит. *skėřsti* : *skerd-* & *gyvulius*, о животных; о месте, где вырублен лес, и т.п.; лтш. *škėrst*, *škėrdėt*), ср. лит. *Skerdimas*, *Skerdimo upėlis*; *Skėrdžia*, река. *Skėrdis*, *Skeřdzius*, озеро. *Skeřd-upis*; лтш. *Škerstene*, *Škerdule*; прусск. *Scherde*, *Zkarde*.

Лисна [164, 166] — озеро в Витебской области, одноименная деревня в 29 км. от Себежа; ср. лтш. *Lisines-gzērs*, *Lisina*, *Lisinis*, *Lisiņas ez.*, оз. *Лисеня*, *Лисино*, *Lisiņš*, *Lisiņa*; лит. *Lisynė*, *Lisiškė*; прусск. *Lysiein*, *Lysien*; может быть, окск. *Лисенка*, *Лисинка* (но и *Лисица*, *Лискин* и др.).

Брусса [164, 166] — ср. лтш. *Brusas*, *Brus*, *Brusas-plava*, *Brusava*, *Brusis*; лтг. *Brususala*, *Brusova*, *Брусново*, *Брусованка*; лит. *Brusas*, *Brusavanka*.

Смерделя [171] (Ушаково на реке Смерделе) — ср. лит. *Smirdėlė*, река. *Smirdėlius*, *Smird-upis*, ср. *Smardonė*, *Smařd-upis* и др.; лтш. *Smirda*, *Smirdupite*; *Smārde*; прусск. *Smorde*, *Smordin*.

Бидога [173] — ср. лит. *Vedegà*, *Vedegėlė*; *Vadagà*; лтш. *Vidaga*, *Videga*; днепр. *Ведога*, *Ведуга*, *Ведьга* и др.

Водосы [181] — ср. жем. *Ведоса* (Спрогис, 37), вар. *Водоса* и др.

Веретея [182] — ср. лит. *Viřt-upė*; прусск. *Wirthen*; днепр. *Вертейка*, окск. *Вертенка* и др.

Сереза [183] — ср. лтш. *Serža*, *Сержа*, *Sėrža*; лтг. *Сержанка*, *Sėrgeji* и др.; может быть, прусск. *Sirgite*, *Sirgun* и др.

Торопа [185], река, **Торопец** [185], город — ср. лит. *Tārpija*, *Tārpijis*, *Tārpiju upis*, *Tarpuežerės upėlis*, *Tarpupis*; лтг. *Tōrpi pūrs*, *Tārpikalns*, *Торпеница*, *Tārpēni*, *Torpainė*; мазур. *Torpela*, *Torpele*; окск. *Торопенка* и др.

Добша [187], река — ср. лит. *Dabūšė; Dabūžiai, Duobė, Duobūžė* (вар. *Dabūšė*), *Diobūlis* и др.; лтш. *Dabes-purvs, Dabji*; днепр. *Добужа, Добасна, Добосна, Добошина* и др.

Лусна [188], река — ср. лит. *Lūšnà, озеро, Lūšnė, река, Lūšnà, Lušnėlė, Lūšnis, Lūšnys*; лтш. *Lūsa, Lūsa-ezeriņš, Lūsene, Lusenės pl., Lūsiņi*; прусск. *Lusen* и др.

Золва [188] — ср. лит. *Žalvė, река, Žalvės, Žalvaitė, ср. Zálvas ež., Zalvėlis, Zalvys ež., Zalva, река;* лтш. *Zalva, Zalvīte, Zalve, Залвите, Zalvītes str.*; прусск. *Salwen, Salwitten, Salwon*; днепр. *Золенка* и др.

Стабно [196], озеро (вар. — *Стубно*) — ср. прусск. *Stabayen, Stabegode, Stabelauken, Stabobrast, Stabelow, Stabingen, Stabynotilte, Stabuniten* и др.; лит. *Stābė, Stabingis ež., Stabinė, Stābiškė*; лтш. *Staba dambja-ezers, Staba-gals, Staba-plava* и др.; лтг. *Стаборовка, Стабульники* и др.; днепр. *Стабна, Стабня, Стабенка, Стабница*; окск. *Стабенка* и др.

Волкота [196], река — вар. *Волката, Валкота, Велькота; Волката, -о, озеро.* — ср. прусск. *Wolkiten, Wolkyten, Wolkeniten* и др., а также лит. *Valkà, Valkėlė, Valkupis, Valkupys* и др.; лтш. *Valka*; лтг. *Valki*; днепр. *Волка* и др.

Домаша [199], река — ср. лит. *Damašà, Damāšė, Dumašà, -ė;* лтш. *Damākša*; прусск. *Dome, Domeliten, Domrnow, Domrnikaum*; днепр. *Домша, Домашня*; окск. *Домшинка* и др.

Цна [203] — ср. прусск. *Tuseine, Thuussyen, Thusieyn; Tusseyen* (: *tusnap* 'тихий'), глагол с корнем *tus-* 'молчать'; одноименные названия рек от Рязанщины (среднее течение Оки) до бассейна Днепра на западе и северо-западной части России, где еще сохраняется более архаичная форма — *Тосно* < **Тъсно* < *Tus-n-*.

Zur Frage des "litausch-nowgorodschen" Raumes und seiner sprachlichen Charakteristik (XIII.-XV. Jh.)
Vladimir N. Toporov (Moskau)

Der Autor setzt seine Studien über die osteuropäische Toponomastik baltischer Herkunft fort und analysiert einige Toponyme und Hydronyme aus dem Gebiet von Nowgorod.

LA TRIPLICE ORIGINE DEL NOMINATIVO SINGOLARE INDOEUROPEO*

WILLIAM R. SCHMALSTIEG

Penn State University

Secondo me l'indoeuropeo, similmente al georgiano, era una lingua con il cosiddetto *split* o "scissione" ergativa. Per verbi con due argomenti il presente era principalmente caratterizzato da costruzioni attive, e il tempo passato (più tardi: aoristo e imperfetto) era caratterizzato da costruzioni di tipo ergativo (o mediopassivo).

Al fine di semplificare la mia esposizione, in quel che segue intendo specificare certi legami pedagogici ed omettere un grande numero di importanti categorie indoeuropee.

Vorrei chiedervi d'immaginare un indoeuropeo nel quale v'erano soltanto costruzioni attive nel tempo presente e soltanto costruzioni mediopassive (ovvero ergative) nel tempo passato (aoristo e imperfetto).

Come ausilio pedagogico, potrei suggerire a una persona che non sia familiare col concetto di scissione (*split*) ergativa di immaginare un tempo presente con soltanto verbi attivi e un tempo passato con soltanto verbi mediopassivi.

Per il periodo più antico immagino dunque un paradigma come il seguente:

Diatesi Attiva		Diatesi Mediopassiva
	(Presente)	
I sg. * <i>gh^wen-ŋ</i> «io uccido»		non esiste

* This is the text of a lecture given at the Dipartimento di Linguistica of Pisa University (08.11.2000) and at the Circolo Linguistico Fiorentino (10.11.2000).